ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Языковое маркирование категории исповедальной ретроспекции в романной прозе (на примере романа Л. Н. Толстого «Воскресение»)

Рябова И. Ю.

Аннотация. Цель работы – характеристика вербального воплощения категории исповедальной ретроспекции в романном жанре. В статье категория исповедальной ретроспекции рассматривается в интердискурсе – гибридном формате дискурса, созданном на стыке двух полярных концептуальных областей – художественной литературы и права. Сквозь призму текста романа высвечивается языковая личность автора-создателя текста, его индивидуально-авторская картина мира, сформированная под влиянием уникального жизненного и профессионального опыта писателя. Научная новизна заключается в разработке типологии категории исповедальной ретроспекции в романной прозе. В работе выдвигается гипотеза о функционировании трех типов категории исповедальной ретроспекции – жанрового, философско-эстетического и поэтического, которые находят отражение в конвенциональных и неконвенциональных для романного жанра способах языкового воплощения миросозерцания автора текста. Проведенное исследование показало, что феномен исповедальности, функционирующий в гибридном формате дискурса в виде категории исповедальной ретроспекции, обновляет жанр романа, предлагая инкорпорацию неконвенциональных для него приемов речетворчества и средств художественной выразительности, позволяющих транслировать идеологические установки своего создателя.

EN

Linguistic marking of the category of confessional retrospection in novelistic prose (based on Leo Tolstoy's "Resurrection")

I. Y. Ryabova

Abstract. The aim of the study is to characterize the verbal embodiment of the category of confessional retrospection in the novel genre. The article treats the category of confessional retrospection within an interdiscourse – a hybrid discourse format created at the intersection of two polar conceptual domains: literary fiction and law. Through the prism of the novel's text the linguistic personality of the author-creator and their individual authorial worldview, shaped by the writer's unique life and professional experience, are foregrounded. The scientific originality lies in the development of a typology of the category of confessional retrospection in novelistic prose. The paper advances the hypothesis that three types of confessional retrospection function – the generic, the philosophical-aesthetic, and the poetic – which find expression in both conventional and unconventional for the novel genre ways of linguistically embodying the author's worldview. The research shows that the phenomenon of confessionality, operating in the hybrid discourse format as the category of confessional retrospection, renovates the novel by incorporating verbal-creative techniques and expressive means atypical for the genre, thus enabling transmission of the creator's ideological stances.

Введение

В эпоху антропоцентрического поворота в лингвистике актуальным становится изучение языка с учетом языковой личности человека говорящего, в частности человека, создающего литературное произведение по следам биографического опыта и осуществляющего трансфер знания между концептуальными областями – из области права в область художественной литературы. Литературное творчество как особая форма ораторства формирует интердискурс – гетерогенное лингвосоциокультурное пространство, созданное на стыке концептуальных областей, в котором языковая личность, осведомленная в сфере права, открыто провозглашает духовные, этические и нравственные идеалы, конструируя в романе исповедальный контекст. Романный жанр не обладает всеобъемлющей исповедальностью (подобно мемуарам, дневниковым запискам или автобиографии), поэтому целесообразно говорить о ряде исповедальных ситуаций, «срисованных» с самой жизни, т. е. правовых биографемах, которые подверглись в романе художественно-образной обработке. Исповедальная интенция писателя

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260271

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

как способность вернуться к своим воспоминаниям-переживаниям, подвергнув их процессам эстетизации и поэтизации в литературном творчестве, а также представить личный биографический опыт с позиции собственной философии жизни вскрывает рефлексирующую природу языковой личности писателя. В исследовании используется термин «исповедальная ретроспекция» как бинарная направленность самосознания писателя – на транслирование духовно-нравственных идей (непосредственно исповедальность) и на рефлексию пережитых событий (ретроспекция). Таким образом, понимание автобиографичности в работе расширяется: это не только «скрытый жизнетекст», представленный посредством описания правовых биографем, но и комплекс нравственно-философских идей, связанных с ними.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

– определить доминанты исповедальной интенции автора текста, создающего гибридный формат дискурса, как предпосылки формирования категории исповедальной ретроспекции в романе социально-обличительного характера;

– описать типы категории исповедальной ретроспекции и охарактеризовать их с позиции специфики языковой личности автора текста;

– представить вербальную репрезентацию типов исповедальной ретроспекции в тексте романа и систематизировать полученное знание относительно различных уровней текста.

Материалом для исследования послужил роман Л. Н. Толстого «Воскресение», который рассматривается в работе как часть единого неделимого жизнетекста автора.

Теоретическую базу исследования составляют работы, выполненные в русле когнитивной лингвистики, в рамках двух подходов – когнитивно-дискурсивного (Болдырев, 2018; Дзюба, Рябова, 2023; Кибрик, 2003; Серио, 1999; Соколова, 2020; Солопова, Наумова, 2018; Чернявская, 2024) и семантико-когнитивного (Бабенко, Казарин, 2006; Попова, Стернин, 2007), а также работы в области литературоведения (Бахтин, 1975; 1999) и общего языкознания, в частности касающиеся теории языковой личности (Караулов, 2010; Катермина, 2016). Исследование выполнено в интеграции лингвистического, литературоведческого и лингвокогнитивного подходов в силу того, что самосознание автора находит отражение в текстовой ткани романа посредством индивидуально-авторских приемов рефлексии (лингвокогнитивный аспект) и средств художественной выразительности, тесно связанных с сюжетообразующими элементами в романе (литературоведческий и лингвистический аспекты).

Для достижения поставленных задач применяется ряд методов: общенаучные методы (биографический, таксономический, метод теоретического анализа); лингвистические и лингвокогнитивные методы (когнитивно-дискурсивный, концептуальный, лексикографический анализ). Биографический метод нацелен на изучение биографии и личности автора, при котором и биография, и личность рассматриваются как определенный момент творчества. Таксономический метод дает возможность выделить типы категории исповедальной ретроспекции в рамках данной категории. Метод теоретического анализа используется для систематизации фактического материала и выведения закономерностей в процессе исследования. Метод когнитивно-дискурсивного анализа применяется для установления корреляционных связей между текстом как репрезентантом интердискурса и языковой личностью автора, его создавшего. Концептуальный анализ позволяет выявить новые смыслы и коннотации, интегрированные в концептуальное пространство интердискурса. Метод лексикографического анализа углубляет понимание о структуре лексического значения слова.

Практическая значимость исследования заключается в восполнении пробела, существующего в современных лингвистических исследованиях, отражающих языковое маркирование исповедального сознания писателя в романной прозе. Работы, выполненные в области изучения феномена исповедальности, зачастую имеют литературоведческий характер и не затрагивают лингвистическую составляющую. Результаты данного исследования могут быть применены при разработке и чтении курсов по когнитивной лингвистике, дискурсологии, филологическому анализу текста, а также специальных курсов, посвященных персонологическим исследованиям.

Обсуждение и результаты

Категория исповедальной ретроспекции в свете проявления языковой личности писателя

Создание литературного произведения по следам личного биографического опыта представляет собой коммуникативный акт, требующий от языковой личности его создателя особых когнитивных усилий, в частности в осуществлении трансфера знаний из концептуальной области права в область художественной литературы. Результатом такого рода «перемещения» знания становится гибридный формат дискурса. О. В. Соколова замечает, что «гибридные тексты характеризуются структурной гетерогенностью, преодолением внутреннего противопоставления между элементами и формированием новых свойств, возникающих в результате синтеза различных компонентов» (2020, с. 55). О. А. Солопова и К. А. Наумова в своем исследовании подчеркивают мысль о том, что «взаимопроникновение и интеграция характеристик тех или иных типов дискурса порождает качественно новый формат дискурса, не сводимый к сумме его составляющих» (2018, с. 16). В данной работе структурная гетерогенность и эмерджентность новых свойств интердискурса рассматриваются сквозь призму категории исповедальной ретроспекции, базирующейся на коммуникативной интенции писателя предать огласке личный опыт, приоткрыв завесу закрытой от чужих глаз сферы права. При этом заметим, что любой дискурс, как подчеркивает В. Е. Чернявская, «социален по определению», и через него мы получаем выход «к социальной практике, стоящей за речевой структурой» (2024, с. 53). Кроме того, биографический опыт писателя есть социальное знание, когда «в центре внимания оказываются речевые средства, которые транслируют идеологию…» (Чернявская, 2024, с. 52). Ученые французской школы анализа дискурса рассматривают

текст как объект дискурсивных исследований с позиции феномена, наделенного «исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» (Серио, 1999, с. 27). Исходя из сказанного, обозначим следующее: языковая личность писателя, наделенная важным социальным знанием, конструирует гибридный дискурс, обладающий нетривиальными для романного жанра дискурсивными элементами и речевыми структурами, отсылающими к идеологии писателя. Интеллектуальная составляющая писательской деятельности при этом проявляется в конструировании категории исповедальной ретроспекции в романном жанре как реакции на историческую и социальную действительность.

Категория исповедальной ретроспекции (далее – ИР) – структурная категория, представленная в романе «Воскресение» несколькими типами: жанровая, философско-эстетическая и поэтическая ИР.

Жанровая ИР – тип исповедальности, связанный с устойчивыми содержательными характеристиками текста и ключевыми особенностями исповеди (литературная и церковная, т. е. откровенное сообщение, признание) как жанра речи. Отличает жанровую ИР, прежде всего, наличие травматического опыта, под которым понимаются правовые биографемы драматического характера, которые «отозвались» в памяти автора и оставили след в его мировоззренческой концепции. Е. Е. Сапогова замечает: «…биографемы выступают как образно-семантические конструкции сознания – единицы фиксации непосредственного жизненного опыта субъекта, отражающие его взаимодействие с определенным событийным рядом. Фактически это пережитые и семантизированные события, участником или свидетелем которых был человек» (2016, с. 103). В «Истории писания и печатания “Воскресения”» находим свидетельство того, что личный травматический опыт автора становится первоосновой романа: «В молодости я вёл очень дурную жизнь, и два события этой жизни особенно и до сих пор мучают меня. <…> Эти события были: связь с крестьянской женщиной из нашей деревни, до моей женитьбы… Второе – это преступление, которое я совершил с горничной Гашей, жившей в доме моей тётки. Она была невинна, я её соблазнил, её прогнали, и она погибла» (https://tolstoy-lit.ru/tolstoy/proza/voskresenie/istoriya-pisaniya-i.htm). Аналогичный судебный случай описал Л. Н. Толстому А. Ф. Кони. Это история девушки Розалии Они, которую соблазнил и бросил молодой богач, после чего она попала в дом терпимости. Впоследствии была арестована за убийство и кражу денег, а на суде присяжным заседателем оказался ее соблазнитель. Анализируя скрытые коммуникативные интенции Л. Толстого (мотивационный уровень его языковой личности), Е. А. Бобров подчеркивает следующее: «Искусство имеет для него значение только как орган здравого понимания жизни, как народно-воспитательная сила большого размаха» (1910, с. 52). В этой связи подчеркнем, что лично пережитый травматический опыт прошлого, эстетически обработанный художником и представленный в романе мотивами стыда, вины и боли, инициирует широкомасштабную просветительскую (проповедническую) деятельность писателя, трансформируя впоследствии и сам жанр романа. По этому поводу А. А. Кибрик замечает, что «глобальная структура дискурса непосредственно объясняется интенциями говорящих, которые в свою очередь определяются представлением знаний в их памяти» (2003, с. 39).

Кроме того, акцентируя неразрывную связь языка с сознанием, Н. Н. Болдырев замечает, что «структура сознания соответствует структуре мира, личности человека и видам его деятельности» (2018, с. 328). Проповедническая деятельность писателя, «погруженная» в диффузную и гетерогенную среду интердискурса, предполагающая как поиск этически адекватных средств репрезентации травматического опыта, так и когнитивную работу с установкой на передачу исключительной правдивости правовых фактов, требует от художника интенсификации и взаимодействия разных типов социально-языкового сознания – правосознания и лингвокреативного (наряду с рефлексивным). Исключительной особенностью данной дихотомии в гибридном дискурсе становится то, что лингвокреативное посредством создания эмоционально-окрашенного образа описываемого придает суггестию фактам правоведческого характера. Связующим звеном между разными типами социально-языкового сознания становится особое – «участное» – мышление автора, репрезентирующее осознание своей ответственности в событии бытия (т. е. создании интердискурса). М. М. Бахтин замечает следующее: «Участное мышление и есть эмоционально-волевое понимание бытия как события в его единственности…» (1999, с. 42). Так, коммуникативная интенция художника в данном типе дискурса маркирована его проповедническим настроем, а языковая личность – разными типами социально-языкового сознания, подчиненными коммуникативной интенции и «переключающимися» согласно социальной роли человека говорящего – писателя-юриста (условно) и писателя-литератора.

Другая характеристика жанровой ИР в интердискурсе – адресность высказывания в тексте романа как обращение к Другому, Богу, Самому Себе. На композиционном уровне романа феномен адресности связан с ситуациями «возвращения», когда прошлое и настоящее героя и частично автора-повествователя тесно переплетаются и предстают как единое целое бытия. На когнитивном уровне текста в ситуациях «возвращения», которые в романе становятся триггером поиска истины, языковая личность автора-повествователя ярко проявляет свое рефлексивное сознание. Как замечает М. В. Михайлова, происходит следующее: «…исповедь стремится к подробному, детальному, психологизированному описанию всех событий и движений души. Любой факт внутренней и внешней биографии получает всестороннюю мотивировку, описывается весь комплекс причин и следствий любого поступка, подвергаются анализу состояния и переживания» (https://predanie.ru/book/132990-metafizika-ispovedi/?chapter=chapter_4). Природа исповедального слова в романе амбивалентна – оно одновременно монологично и диалогично, т. к. проговаривается для себя и для Другого. Исследуя жанровые особенности исповеди, коллектив авторов отмечает, что в исповеди «человек испытывает мучительную потребность высказаться, проговорить свою жизнь заново», где исповедальное слово выступает «в качестве животворящей силы», заставляя встать в позицию говорящего о самом себе. Так, в романном жанре, функционирующем в интердискурсе, посредством инкорпорирования в сюжетную линию фактов биографического характера, подверженных само-

рефлексии, создается диалогическая вопросно-ответная суть романа, а также реализуется возможность для автора «прожить» прецедентную ситуацию – историю А. Ф. Кони – заново и таким образом инициировать рефлексивное сознание (свое и реципиента), которое позволяет в переломный момент эпохи сделать литературу с исповедальной интенцией полем мощной социальной борьбы за идеалы нравственности и духовности.

Философско-эстетическая ИР – тип исповедальности, позволяющий языковой личности автора в эстетически выразительном образе художественной действительности зафиксировать собственное философское осмысление реальности. Один из методов позднего Л. Н. Толстого, достигших кульминации в романе «Воскресение», – метод психологизма, фокусирующийся на нравственном перерождении героев через внутренний конфликт совести. К основным характеристикам психологизма относятся: 1) изображение трансформации внутреннего мира героя в кризисные моменты его жизни; 2) взаимосвязь личной жизни героев, его духовно-нравственных исканий с внешними событиями. Средствами психологического анализа выступают детально проработанные писателем речевые портреты героев, жестовая речь, мимика, внутренний диалог, авторский комментарий. Психологизм Л. Толстого показывает человека в жизненной ситуации, в частности в экстремальных условиях, особенно благодаря смешению в одном контексте точного знания из юридической сферы и знания художественного, призванного красочно воспроизвести детали пережитых событий. Такого рода неоднородная и диффузная среда интердискурса способствует эмерджентности новых смыслов, апроприации отдельных дискурсивных элементов, зачастую неконвенциональных для романного жанра, обогащению семантики гибридных единиц, созданию мультипликативных эффектов и появлению нестандартных ассоциативных связей. С учетом заявленных характеристик метода психологизма ключевым инструментом психологического самопортретирования Л. Толстого в романе, рассматриваемым условно как авторский комментарий к тому, что лично пережито, относится философская афористика. Через афоризмы, созданные на стыке двух концептуальных областей, писатель проповедует законы нравственности и справедливости, добра и зла, усиливая ключевые идеи сюжета романа.

В лексикографических источниках приведены многочисленные определения термина «афоризм», фиксирующие его основные стилистические и жанрообразующие характеристики: лаконичность, отточенность, выразительность, легкая запоминаемость, ясность изречения, законченность мысли, глубина суждения, житейская мудрость, сообщение истины, вневременность и др. Например, в Большой советской энциклопедии (БЭС) афоризм определялся так: «Афоризм (греч. aphorismos – краткое изречение) –обобщённая, законченная и глубокая мысль определённого автора, выраженная в лаконичной, отточенной форме, отличающаяся *меткой выразительностью* и явной неожиданностью суждения. …афоризм не доказывает, не аргументирует, а *воздействует на сознание* оригинальной формулировкой мысли» (https://dic.academic.ru). Меткая выразительность и отточенная форма рождаются лингвокреативным – афористическим – сознанием автора посредством точного выбора слова и стилистического приема, рифмы и др. В. В. Катермина подчеркивает: «Языковая личность… характеризуется выбором – социальным, личностным – языковых средств различных уровней, а также видением мира, определяемым языковой картиной, сложившейся в данном языке. Кроме того, говорящий создает свою собственную картину мира, которая становится основой разнообразных авторских приращений значений языковых единиц – “значений говорящего”» (2016, с. 207). Лингвокреативность художника слова с учетом просветительско-проповеднической деятельности Л. Толстого неотделима от его коммуникативной интенции – осуществить эффективный диалог с Другим, т. е. с читателем. Воздействие афоризма на сознание отсылает к пониманию термина «сознание» М. М. Бахтиным – как отношение индивидуального сознания с общественным сознанием, внутри которого оно и сформировалось: «…никакие человеческие события не развертываются в пределах одного сознания» (1975, с. 330). Определяющую роль в таком объяснении сущности сознания играет категория Другого: «Я не могу обойтись без другого, я должен найти себя в другом, найдя другого в себе (во взаимоотражении, во взаимодействии)» (Бахтин, 1975, с. 330). Афористическое сознание писателя, являясь частным видом лингвокреативного, вступает в диалог со своим читателем, в процессе которого создаются условия для запуска цитатного сознания реципиента, обеспечивающего вневременность афоризмов Л. Толстого как авторитетной языковой личности.

Поэтическая ИР – тип исповедальности, позволяющий автору придать правовому контенту, лежащему в основе сюжета, эмоциональной насыщенности и критичности жизнеописания. Посредством языковой игры Л. Толстому удается «несерьезно» сказать о самом серьезном. Как замечают Е. В. Дзюба и И. Ю. Рябова, «на стыке концептуальных областей – обезличенной правовой и богатой образами художественной, словесно-литературное творчество выступает как увлекательная игра, имеющая двойственную природу серьезности-развлекательности» (2023, с. 354). Глубокомысленные раздумья автора поданы в романе иронически и саркастически маркированными, при этом ирония как литературно-художественный прием включает и самоиронию. Синтез иронии и сарказма составляет семантическое ядро «комического-с-оглядкой», где под «оглядкой» понимается рефлексия, направленная на общество, самого себя и свой биографический опыт. Комическое-с-оглядкой создает образ-наоборот: в «смешном» контексте проглядывается трагичность ситуаций.

Непрерывное переключение между типами социально-языкового сознания автора – правосознания, лингвокреативного, рефлексивного – становится возможным проследить и в виртуозно созданных пейзажных зарисовках автора текста, когда патетика образов природы передает отношение автора к волнующим его вопросам права. Л. Толстой противопоставляет мир природы миру людей, подчёркивая гармоничность природы в сравнении с жестокостью, царящей в мире людей. Жизнь, какой живет природа, – самая естественная среда существования человека – становится главным критерием истины, которую транслирует писатель в романе. Как замечает Е. А. Масолова, «указание на времена года – особый код, “идеологический ключ” к пониманию замысла автора» (2020, с. 230). По замечаниям исследователя, «весна символизирует грядущее нравственное преображение человечества… лето становится символом жизни… осень “усиливает” нравственные и религиозные

искания героя, “убеждая” его в непреложной правоте Евангелия и в необходимости строить жизнь по заповедям Бога… зима – очищающий, обновляющий период, предтеча великих перемен…» (Масолова, 2020, с. 242).

Итак, категория ИР, представленная в романе тремя типами – жанровым, философско-эстетическим и поэтическим, – становится выразителем авторской исповедальной интенции как доминанты мотивационного уровня его языковой личности. Основываясь на собственном жизненном и профессиональном опыте, автор проповедует принципы нравственности, добра и этики, придавая своему произведению особую «коммуникативную силу», позволяющую вскрыть «вопросы соотношения языка и духовности, обретения языка и межпоколенной передачи опыта…» (Караулов, 2010, с. 6). Структурно важным компонентом жанровой разновидности ИР становится наличие травматического опыта, который в процессе создания интердискурса приобретает просветительско-проповеднический заряд и адресность посыла. Ключевой признак философско-эстетического типа категории ИР – психологический компонент, реализованный в романной событийности, а также посредством частного семантико-дискурсивного элемента – философской афористики. К доминантам поэтического типа ИР следует отнести стилистический прием «комическое-с-оглядкой», позволяющий через «смешное» выразить трагическое, и пейзажную зарисовку как лингвоментальный и когнитивный феномен, вскрывающий соучастие в процессе гибридизации дискурса различных типов социально-языкового сознания автора.

Характеристика вербализации категории исповедальной ретроспекции в романе Л. Н. Толстого «Воскресение»

Жанровый тип ИР

Травматический опыт прошлого Л. Н. Толстого заявляет о себе на страницах романа мотивами стыда, вины и боли. Вспомним контекст, когда сознание Нехлюдова терзают мучительные воспоминания прошлого: «*Стыдно и гадко, гадко и стыдно*, – *думал* между тем Нехлюдов… *Стыдно и гадко, гадко и стыдно*, – повторял он себе не об одних отношениях с Мисси, но обо всем. <…>. Нет, нет, – *думал* он, – *освободиться* надо, *освободиться* от всех этих фальшивых отношений и с Корчагиными, и с Марьей Васильевной… Да, подышать *свободно*… – Ну, да все равно, просто подышать *свободно*… И вдруг в его воображении *с необыкновенной живостью* возникла арестантка с черными косящими глазами… И одна за другою стали возникать в его воображении минуты, пережитые с нею… Он *вспомнил*, как он когда-то гордился своей прямотой… Как загладить свой грех перед Катюшей? <…> И он *живо вспомнил* минуту, когда он в коридоре, догнав ее, сунул ей деньги и убежал от нее. “Ах, эти деньги! <…> *Какая гадость*!”» (Толстой, 1998, с. 85-88). На повествовательном уровне самым сильным воспоминанием о прошлой жизни, которое еще живо в сознании героя и повествователя, является воспоминание о возлюбленной-арестантке, о чем свидетельствуют выражения «с необыкновенной живостью», «живо вспомнил минуту»: «живой» – «такой, который живет» (Ожегов, 1988, с. 157). Особую семантическую нагрузку в отрывке имеют глаголы, выражающие ментальную деятельность Нехлюдова, – «думал» (2 раза), «вспомнил» (10 раз), «понял» (2 раза), при этом множественный повтор лексемы «вспомнил» расширяет диапазон воспоминаний-переживаний – от отношений к матери до влюбленности в Катюшу. Рекуррентная фраза «стыдно и гадко, гадко и стыдно» (7 повторов в главе), построенная по принципу синтаксического параллелизма, свидетельствует о необычайной силе захлестнувших героя мук совести, перемешанных с чувством отчаяния, что «загрязнение так сильно», которая придает динамики и ритмичности тексту, позволяя читателю ощутить движение душевных струн героя. Главный концепт, символизирующий выход из состояния отчаяния, – свобода. Ценой свободы станет искупление вины, которое герой планирует: «Скажу ей, Катюше, что я негодяй, виноват перед ней… Да, буду просить прощенья, как дети просят…» (Толстой, 1998, с. 89). Сравнение «как дети просят» актуализирует сему искренности его намерения, а частица «да» репрезентирует феномен диалогизации пространства – разговор с собой. Как замечает Л. Г. Бабенко, в ситуации автокоммуникации коннотативно-эмотивная лексика (здесь – «негодяй») выражает «чувство недовольства и раздражения, испытываемые персонажем», «дисгармонию в его внутреннем мире» (2006, с. 140). В конце главы мотив стыда «купируется» верой в Бога, в его помощь, при этом молитва содержит дополнительный элемент – императив «научи меня»: «Он остановился… поднял глаза кверху и проговорил, обращаясь к кому-то: “Господи, помоги мне, научи меня, приди и вселися в меня…”» (Толстой, 1998, с. 89). Неопределенное местоимение «к кому-то», предшествующее непосредственно «появлению» Бога, символизирует момент пробуждения в Нехлюдове веры в божественное. Спектр используемых в контексте языковых средств – многократный повтор «мыслительных» глаголов, молитвенное обращение к Богу, рекуррентность фразы «стыдно и гадко», сравнение – придает драматизма воспоминанию, а в молитве со «встроенным» императивом проглядывается желаемое и искомое просветление души героя.

Борьбу за духовные ценности и жизнь по заповедям Божиим транслирует и финал произведения: «Дело его с Катюшей было кончено… Другое его дело… мучало его и требовало от него деятельности… *Все* то страшное *зло… все это зло… торжествовало, царствовало*, и не виделось никакой возможности… как победить его. В воображении его восстали эти запертые в зараженном воздухе сотни и тысячи *опозоренных людей*, запираемые равнодушными генералами, прокурорами, смотрителями, вспоминался странный, обличающий начальство свободный старик, признаваемый сумасшедшим, и среди трупов прекрасное мертвое восковое лицо в озлоблении умершего Крыльцова» (Толстой, 1998, с. 374). Анафорическая конструкция «все то страшное зло… все это зло» совместно с глаголами «торжествовать» (в значении «иметь полный успех в чем-нибудь») и «царствовать» (т. е. «господствовать над всем») выражает тотальное доминирование зла в обществе в целом и в судебной системе в частности (Ожегов, 1988, с. 656, 712). Судебная система, какой ее видел и знал Л. Толстой, характеризуется «равнодушными генералами, прокурорами, смотрителями», которые «позорят» сотни и тысячи людей, где глагол «позорить» репрезентирует сему «бесчестье» (Ожегов, 1998, с. 519, 444).

Выражение «обличающий начальство свободный старик» вскрывает преступность среды среди судейских: «обличать» – сурово порицать, разоблачать, вскрывая что-нибудь неблаговидное, вредное, преступное (Ожегов, 1998, с. 345). Обращение героя к Евангелию в надежде найти «разрешение всего» в жанровом аспекте модифицирует конец романа – читатель сталкивается с финалом-размышлением (финал-притча). Евангельский текст эксплицирует тему прощения и милосердия: «27. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. 28. Раб же тот, вышед, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев… посадил его в темницу, пока не отдаст долга… 33. Не надлежало ли тебе помиловать товарища твоего, как я помиловал тебя?» (Толстой, 1998, с. 376). Языковой юридический маркер «помиловать» в значении «оказав снисхождение, ослабить или отменить наказание» (Ожегов, 1988, с. 453) мощно соединяет все три жизненные сферы – бытийную, религиозную и судебную, подводя читателя к мысли, что прощение может иметь место повсеместно – в суде, жизни, религии. Прямые и косвенные вопросы «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в царстве небесном?», «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась; то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся?» символизируют жанровые характеристики исповеди (как литературной, так и церковной) – незавершенность и адресность, – позволяя сделать финал романа открытым. Кроме того, жанровое своеобразие финала романа, помимо его открытости, заключается и в использовании неконвенциональных для романного жанра графических техник маркирования евангельского текста, в частности курсива и нумерации.

Философско-эстетический тип ИР

Акцентуация важных жизненных тем в произведении в аспекте нравственно-философских исканий Л. Толстого осуществляется в афористических высказываниях, которые в «Воскресении» можно разделить на три тематические группы: 1) о людях; 2) о жизни; 3) о любви. Ключевое психологическое открытие писателя, выраженное афоризмом «люди – реки», репрезентируется развернутой метафорой: «*Люди, как реки*: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая…» (Толстой, 1998, с. 166). Эпитеты «узкая», «быстрая», «широкая» и т. д. фиксируют различные параметры реки и создают многомерный образ возможных качеств человека, противопоставляя одну характеристику другой: «узкая» – «широкая», «быстрая» – «тихая», «холодная» – «теплая», «чистая» – «мутная». В высказывании заложена идея толерантности ко всем проявлениям «текучести» человеческого существа и его душевных трансформаций. Однако Толстой-философ порицает дурные помыслы, выражая свою позицию в следующих афоризмах о жизни: «*Дурной* поступок только *накатывает* дорогу к дурным поступкам; *дурные* же *мысли* неудержимо *влекут* по этой дороге» (1998, с. 247). Эпитет «дурной» имеет значение «безнравственный», где нравственность – «духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе» (Ожегов, 1988, с. 149). Глагол «накатывать», отсылающий к дефиниции «ездя, образовать дорогу, колею (разг.)», актуализирует сему не только многократности совершения того или иного действия, в частности дурного поступка, но и обыденности такого рода действий, их приемлемости. В репрезентации данной мысли значимую семантическую нагрузку несет и глагол «влечь» в значении «увлекая, манить, притягивать к себе» (Ожегов, 1988, с. 71). Афоризм в данной работе предстает как гибридная единица, синтетическая форма слова: точное знание из собственного биографического багажа «неумолимого поборника нравственности» (выражение Г. А. Склейнис) перемещается в область художественной литературы, обрастая мнением-суждением, мнением-рассуждением автора о том, что именно хуже – дурной поступок или дурная мысль. Духовное пробуждение героя Л. Толстой метко фиксирует высказыванием афористической природы: «То *свободное, духовное* существо, которое *одно истинно*, *одно могущественно*, *одно вечно*, уже пробудилось в Нехлюдове» (1998, с. 89). Повтор количественного числительного «одно» в значении «один-единственный» в сочетании с краткой формой прилагательных придает не только ритмичность слогу, но и обнажает суть духовного преображения – именно оно «обладает властью» («могущественный»), в его необходимости нельзя усомниться («истинный»), и оно никогда не утратит своей ценности («вечный») (Ожегов, 1988, с. 64, 209, 288). Примечательным становится и употребление писателем в качестве смежных по значению прилагательных «духовный» и «свободный», акцентирующее мысль о том, что воскрешение души равнозначно обретению свободы. Так, в интердискурсе сближаются понятия-концепты «свобода» и «дух», в результате чего образуется тесная связь между типами социально-языкового сознания – правосознанием, лингвокреативным (в том числе афористическим), рефлексивным и религиозным, а также генерируются новые коннотации: свободный человек (т. е. действующий согласно своей духовности) не совершает дурных поступков и не имеет дурных мыслей. Интерпретативный потенциал концептов «дух» и «свобода» еще больше раскрывается при развертывании в этой же главе романа контекста: «Тогда он был *бодрый, свободный* человек, перед которым раскрывались бесконечные возможности, – теперь он чувствовал себя со всех сторон пойманным в тенетах глупой, пустой, бесцельной, ничтожной жизни…» (Толстой, 1998, с. 87). Рекуррентность атрибута «свободный» влечет создание мультипликативного эффекта в тексте романа: свободный человек чувствует себя «бодрым» – «полным сил, деятельности, энергии» (Ожегов, 1988, с. 46). Кроме того, заметим, что частота упоминания концепта «свобода» в романе «Воскресение» (66 номинаций), по словам З. Д. Поповой и И. А. Стернина, свидетельствует о номинативной плотности (термин В. И. Карасика) данного участка языковой системы, что «отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа» (2007, с. 15).

Таким образом, философско-эстетический тип ИР, нашедший отражение на локальном уровне текста в афористическом высказывании как вербальном инструменте «сращения» разнородных смыслов для выражения психологизма, глобально реализуется в «сцеплениях» – взаимосвязанных блоках высказываний, позволяющих проследить мультипликативные эффекты и эмерджентные смыслы.

Поэтический тип ИР

Особенно важным для понимания процессов поэтизации в романе становится вдохновляющее на новую жизнь, полное надежд притчеобразное (фольклорное) начало романа: «*Как ни* старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, *изуродовать* ту землю, на которой они жались, *как ни* забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, *как ни* счищали всякую *пробивающуюся травку*… весна была весною даже и в городе. Солнце *грело*, трава, *оживая, росла* и *зеленела* везде, где только не соскребли ее… Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети» (Толстой, 1998, с. 5). В анафорической конструкции «как ни старались – как ни забивали – как ни счищали» прослеживается социально-обличительная патетика строк, при этом метко актуализируется идея естественных и могучих сил природы. Наблюдение автора, выраженное в перечислении «веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети» и построенное посредством инверсии с логическим ударением на слове «веселы», высвечивает неподдельность мира животного, растительного и мира детей, способных искренне радоваться «красоте мира божия». Цветовую палитру «Воскресения» открывает зеленый цвет – цвет природы и гармонии, символизирующий жизнь и жизненные силы. В христианстве зеленый цвет – символ надежды на спасение, цвет озарения, а с наступлением весны – маркер духовного пробуждения. Но радостное весеннее обновление природы резко контрастирует с жестокостью мира людей: «Но люди – *большие, взрослые* люди – не переставали *обманывать* и *мучать* себя и друг друга. Люди считали, что священно и важно не это весеннее утро, не та красота мира божия… а священно и важно то, что они сами выдумали, чтобы *властвовать* друг над другом» (Толстой, 1998, с. 5). Семантической доминантой данного отрывка, построенного посредством антитезы, являются глаголы и отглагольные конструкции, описывающие действие. Событийность в мире людей характеризуется каузативными глаголами «изуродовать», «обманывать», «мучить», репрезентирующими насилие, осуществляемое человеком и имеющее цель – захват власти («властвовать»). Слово «власть» имеет прямое отношение к сфере политологии и юриспруденции, а дефиниция «уродовать», содержащая сему «тяжелого телесного повреждения», отсылает читателя к области уголовно-правовых наук (Ожегов, 1988, с. 671, 684). Жизненные неиссякаемые силы природы вербализуются глаголами «греть», «расти», «оживать», «зеленеть» и причастным оборотом с уменьшительно-ласкательной формой существительного «пробивавшаяся травка», выражающим нежное отношение автора ко всему живому. Атрибутивная конструкция «большие, взрослые люди» в структурно-синтаксическом аспекте представляет собой рамочную структуру (заключенную в знаки «тире»), акцентирующую внимание на глубоких размышлениях автора-повествователя. На лексико-семантическом уровне эпитет «большие» вторит значению слова «взрослые», однако создает обертон эмоционально-окрашенной детской речи, вновь противопоставляя мир взрослых миру природы и детей. Проследим контекст далее: «*Так*, в *конторе губернской тюрьмы* считалось священным и важным не то, что всем животным и людям даны умиление и радость весны, а считалось священным и важным то, что накануне получена была *за номером с печатью и заголовком бумага* о том, чтобы к 9 часам утра были доставлены в нынешний день, 28-го апреля, три содержащиеся в тюрьме *подследственные арестанта* – две женщины и один мужчина» (Толстой, 1998, с. 6). Утвердительная частица «так» в значении «да, действительно» вновь репрезентирует рефлексию автора-повествователя над описываемыми событиями (Ожегов, 1988, с. 642). Данный пассаж, отсылающий к делам судебным и содержащий языковые маркеры юридического дискурса («контора губернской тюрьмы», «подследственный арестант», «тюрьма», «бумага за номером с печатью и заголовком»), утверждает на конкретном примере «священность» и «важность» деятельности губернской тюрьмы. Самый мощный момент в тексте – начало романа – в повествовательном аспекте дает ответ на главный вопрос, который ставит при дальнейшем развитии сюжета Л. Н. Толстой: человек, ищущий духовности, как творение природы способен противостоять порочности социума. Кроме того, с первых строк романа автор создает «монтаж» концептуальных картин мира – художественной и юридической, создавая мощный контраст сферы художественно-поэтической и правовой, в котором тема природы оттеняет внутренние конфликты героев. Знание и жизненный опыт писателя воплощаются в художественной картине мира через народную традицию, т. е. притчеобразно, что придает роману фольклорную эмоциональную тональность, позволяющую продекларировать в интердискурсе такую сложную тему, как противостояние миров – природы и людей, животного и духовного «я» в человеке, отдельного индивида и целого общества.

Наряду с пейзажными зарисовками поэтический тип ИР отражается в комическом-с-оглядкой. Так, в предыдущем примере повтор фразы с лексемами «священный» и «важный» создает язвительную насмешку автора над ситуацией. Слово «священный», т. е. «чрезвычайно почетный и исключительный по важности, святой» или «исполненный благоговения», противоречит общему контексту, благодаря чему создается резко отрицательный подтекст (Ожегов, 1998, с. 576). Комическое-с-оглядкой также находит отражение в романе в ряде метафорических моделей – «суд-цирк», «суд-торжество», «суд-зло». Проиллюстрируем характер поведенческих паттернов представителей судебной власти на судебном процессе следующим примером: «Потом председатель сложил *билетики*, вложил их в стеклянную вазу и стал, немного засучив шитые рукава мундира и обнажив сильно поросшие волосами руки, *с жестами фокусника*, вынимать по одному билетику, раскатывать и читать их… Все шло без задержек, скоро и не без торжественности… Говоря свою речь, председатель постоянно переменял позу: *то облокачивался на левую, то на правую руку, то на спинку, то на ручки кресел, то уравнивал края бумаги*…» (Толстой, 1998, с. 26, 28). Уменьшительно-ласкательная форма существительного «билетики» лишает контекст серьезности, которая должна быть присуща судебному заседанию, а сравнение-определение «с жестами фокусника» фиксирует схожесть судебного заседания с цирковым представлением. Постоянная смена поз председателя, представленная анафорической конструкцией с частицей «то», свидетельствует о полном равнодушии председателя к тому, что происходит в суде. Аналогичная ситуация со сменой поз судейских

представлена и в другом контексте: «…встал секретарь и начал читать обвинительный акт. Читал он внятно и громко… Судьи облокачивались *то на одну, то на другую ручку кресел, то на стол, то на спинку, то закрывали глаза, то открывали* их и перешептывались. Один жандарм несколько раз удерживал начинающуюся *судорогу зевоты*» (Толстой, 1998, с. 266). Сарказм, выраженный метафорой «судорога зевоты», метко вскрывает неспособность контролировать зевоту: «судорога» репрезентирует «резкое непроизвольное сокращение мышц, обычно сопровождающееся болью», тем самым вербализуя инертность, лень и незаинтересованность в происходящем представителей судебной власти (Ожегов, 1988, с. 331, 635). Красной нитью через все произведение проходит мысль о том, что суд, каким его видел и знал Л. Н. Толстой, подобен театру. Вспомним впечатление Нехлюдова, которое оказал на него чиновник Топоров, к кому Нехлюдов приехал с целью прошения от сектантов: «Я знаю это дело… Это губернские власти переусердствовали… – Нехлюдов молчал, с недобрым чувством глядя на *неподвижную маску бледного лица*… Нехлюдов, не садясь, смотрел сверху на *этот* узкий *плешивый череп*, на *эту* с *толстыми синими жилами р*уку, быстро водящую пером, и удивлялся, *зачем* делает то, что он делает, и так озабоченно делает, этот ко всему, очевидно, *равнодушный* человек. *Зачем?..*» (Толстой, 1998, с. 254). Метафора «неподвижная маска лица» («маска» – 1) специальная накладка, скрывающая лицо; 2) притворный вид, видимость; «неподвижный» – «не меняющий своего выражения, лишенный выразительности») (Ожегов, 1988, с. 275, 329) вскрывает лицемерие чиновника, лишенного всяких чувств. Очевидность равнодушия Топорова вызывает у героя отвращение, что репрезентируется указательными местоимениями «этот»/«эту» в сочетании с негативно окрашенными эпитетами. Вопросительное слово «зачем» и графический знак многоточия в конце контекста репрезентируют очередную исповедальную ситуацию, связанную с размышлениями автора-повествователя. По замечаниям К. Я. Сигал, «“инкрустация” высказываний посредством стилистически выдвинутых знаков препинания (вопросительного и восклицательного знаков, тире и многоточия) дает возможность графически точно передать эмоционально-акцентированную речь homo sentiens…» (2026, с. 118).

Таким образом, поэтическая ИР, нашедшая реализацию в пейзажных зарисовках и стилистическом приеме комического-с-оглядкой, призвана вскрыть уникальную эмоциональную составляющую романа как «сплав» авторских чувств и эмоций, отражающих его глубокие экзистенциальные переживания.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

Жизненные и профессиональные знания писателя способны по-настоящему живо проявлять себя на страницах романного жанра, материализуясь в нем в качестве первоосновы для создания произведения социально-обличительного характера. Предпосылкой для реализации в романе категории исповедальной ретроспекции становится «участное» мышление автора текста как эмоционально-волевое понимание совершаемого события, формирующее коммуникативную интенцию научения и духовного пробуждения нации. «Участное» мышление Л. Толстого во многом определяет характер его исповедальной интенции – просветительско-проповеднический заряд, позволяющий сделать литературное творчество социокультурной практикой наставления.

Суммируя сказанное о жанровом типе ИР, подчеркнем, что правовые биографемы драматического характера репрезентируются в романе устойчивыми мотивами стыда, вины и боли, «погруженными» в пространство диалогизации. Философско-эстетический тип ИР базируется на толстовском методе психологизма как процессе детализации «диалектики души». Частным приемом данного метода становится афористическое слово – маркер глубоких философских размышлений и квинтэссенция житейской мудрости. Поэтический тип ИР особенно ярко подчеркивает трагикомический характер изображаемых реалий. В гибридном формате дискурса отчетливо проявляется тенденция языковой личности писателя синтезировать точное знание с мнением-суждением, мнением-размышлением. Языковую личность художника с позиции проявления всех трех типов категории исповедальной ретроспекции можно охарактеризовать как просветительскую, эпистемически ответственную, эмоционально-волевую, работающую на стыке двух доминантных типов социально-языкового сознания – правосознания и лингвокреативного, переключающихся по параметру «смена профессионального кода» (автор-литератор и автор-условно-юрист). Со-участие всех видов социально-языкового сознания в интердискурсе (включая частные – рефлексивное, афористическое, цитатное), как автора, так и реципиента, способствует углубленному познанию правовых реалий, сферы личной ответственности, справедливости, законов.

В области языкового маркирования наиболее значимым для отражения категории исповедальной ретроспекции в романе оказывается ряд приемов и средств художественной выразительности. На когнитивном уровне восприятия текста к нему относятся противопоставление и пародия (в частности, элементы фольклора/притчи), на лексико-семантическом уровне – метафора, сравнение, эпитет как частный случай проявления комического-с-оглядкой, на структурно-синтаксическом уровне – анафорические конструкции, прием параллелизма, повтор / множественный повтор, на графическом уровне – стилистически выдвинутые знаки препинания (восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие, тире). Кроме того, сцепление в одном лингвокультурном пространстве языковых маркеров юридического дискурса и лексических единиц художественного текста создает объемный и эмоционально насыщенный образ правовых реалий, при этом языковые маркеры юридического дискурса наполняются несвойственным для них идейным и этическим содержанием. Ключевые речевые средства категории исповедальной ретроспекции по-своему обновляют жанр романа (притчеобразное начало; открытый финал, отсылающий к Евангелию; неконвенциональные для жанра романа графические элементы и др.), усиливая философско-идеологический план литературного произведения.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать более глубокое исследование фольклорных мотивов в романе Л. Толстого «Воскресение», используемых языковой личностью для реализации категории исповедальной ретроспекции.

Материалы исследования | Research materials

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. Изд-е 20-е, стер. М.: Рус. яз., 1988.
2. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Терра, 1998. Т. 12. Воскресение: роман / примеч. Е. Куприяновой.

Источники | References

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Флинта; Наука, 2006.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 1999. Т. 1.
4. Бобров Е. А. Дела и люди: сборник статей Изд-е 2-е. Юрьев: Эд. Бергман, 1910.
5. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: ЯСК, 2018.
6. Дзюба Е. В., Рябова И. Ю. Категория дискурсивной диалогичности как репрезентация жанрового потенциала романа // Жанры речи. 2023. Т. 18. Вып. 4 (40).
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд-е 7-е. М.: ЛКИ, 2010.
8. Катермина В. В. Языковая личность автора в художественном тексте // Человек. Культура. Образование. 2016. № 1 (19).
9. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дисс. … д. филол. н. в форме научн. докл. М., 2003.
10. Масолова Е. А. Семантика времен года в романе Л. Толстого «Воскресение» // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 4. https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.7443
11. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007.
12. Сапогова Е. Е. Автобиографирование: «бытие-под-собственным-взглядом» // Развитие личности. 2016. № 1.
13. Серио П. Как читают тексты во Франции? // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и порт.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1999.
14. Сигал К. Я. Русский сентиментализм сквозь призму пунктуационной стилистики // Научный диалог. 2026. Т. 15. № 2. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2026-15-2-109-131
15. Соколова О. В. Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11. № 1. https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-3
16. Солопова О. А., Наумова К. А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4 (54).
17. Чернявская В. Е. Текст и социальный контекст: социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: Ленанд, 2024.

Информация об авторах | Author information

RU

Рябова Ирина Юрьевна[1], к. филол. н.
[1] Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

EN

Irina Yurievna Ryabova[1], PhD
[1] Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg

[1] *i.y.ryabova_3012@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.05.2026; опубликовано online (published online): 28.05.2026.

Ключевые слова (keywords): Лев Толстой; интердискурс; языковая личность писателя; категория исповедальной ретроспекции; тип исповедальной ретроспекции; социально-языковое сознание; Leo Tolstoy; interdiscourse; linguistic personality of the writer; category of confessional retrospection; type of confessional retrospection; socio-linguistic consciousness.